

Ранним утром съёмочная группа выложила объявление:

> **@Официальный аккаунт проекта «Путешествие с детьми среди гор и рек»:**

> В связи с конфликтом графиков участников после завершения съёмок на острове эфир будет приостановлен на пять дней. До встречи на следующей локации!

>

> В этот период постепенно будут выходить лучшие моменты в виде компиляций. Следите за обновлениями!

Хотя сообщение появилось поздно, это не помешало бдительным интернет-пользователям оперативно отреагировать — в соцсетях мгновенно поднялся настоящий вой.

— Почему внезапно остановили выпуск?! Я против!

— Разве переход между локациями не предполагает и так отключения прямого эфира? Это тоже считается?

— Что за «конфликт графиков»? У Цзян Шулю что-то случилось?

— Конечно, он же! Разве вы не видели, пару дней назад всплыла новость: у него в семье юбилей!

— Но если Шулю нет, разве это мешает остальным троим?

— Вы что, совсем забыли?! Цзян Шулю и Люй Сичао — родственники! Ведь они уже обручились! Настоящая «младшая тётушка» — ей же обязательно нужно быть на таком мероприятии!

Споры в сети набирали обороты, а Тан Юэ в это время возвращался в палатку сквозь ночной мрак.

По пути он случайно наткнулся на Люй Сичао, разговаривающего с Цзян Хэ.

Они стояли в тени деревьев — с первого взгляда их было почти не различить, пока Сичао сам не окликнул Тан Юэ:

— Сяо Юэ, ты ещё гуляешь на улице?

Тан Юэ по-прежнему воспринимал Цзян Хэ как «дядю главного героя-агрессора». Увидев этих двоих вместе, он испытал ту самую печаль, будто купил не те акции. Хотя, возможно, стоило радоваться такому повороту событий.

— Моя сестра приехала, — ответил он. — Поговорил с ней немного.

— Сестра? Та самая инвестор? — уточнил Сичао.

Тан Юэ кивнул:

— И зять тоже с ней.

— А, понятно... — протянул Сичао. Цзян Хэ только что упоминал об этом, особенно о неожиданном юбилее.

Изначально Цзян Хэ собирался сослаться на плохое здоровье и отказаться от участия, но не ожидал, что его невестка Чжу Цюнь лично позвонит и попросит прийти на торжество с партнёром.

В прошлом Цзян Хэ из-за своей сексуальной ориентации сильно поссорился с семьёй и теперь редко посещал родовое поместье Цзян, если только не происходило чего-то действительно важного.

В этом году юбилей старейшины решено было провести именно здесь, но Цзян Хэ всё равно считал, что достаточно просто отправить подарок.

Он не понимал, какие игры затевает Чжу Цюнь, но в глубине души хотел бы воспользоваться случаем, чтобы официально представить Сичао.

Жаль, что Сичао был не очень рад этой идее.

Тан Юэ почувствовал себя лишним и собрался уходить.

Но тут Сичао снова окликнул его:

— Сяо Юэ, ты...

Тан Юэ обернулся. При свете луны его силуэт вытянулся на земле, и Сичао вновь ощутил ту особенную чистоту, будто этот юноша едва касается обыденного мира.

Сичао вздохнул и покачал головой:

— Нет, ничего. Спокойной ночи.

Тан Юэ кивнул.

— На улице так холодно, — сказал он мягко. — Сань-гэ, тебе и... господину Цзяну лучше поговорить в палатке, а то простудитесь.

Он улыбнулся Сичао и направился к своей палатке.

Тот проводил его взглядом, затем тихо спросил Цзян Хэ:

— Слышал? Тебя называют «невесткой».

Цзян Хэ хмыкнул:

— А что ты хотел спросить?

— У тебя в семье такая тяжёлая атмосфера... Мне совсем не хочется туда идти.

— Тогда попроси меня.

— Я только что узнал, что съёмки приостанавливаются на пять дней. Тан Юэ поедет на юбилей с госпожой Лян?

Цзян Хэ кивнул:

— Да.

Глаза Сичао загорелись:

— А Цзян Шулю знает?

— Знает что?

— Про отношения Тан Юэ и генерального директора Лян.

— Конечно знает. Мы же партнёры по бизнесу. Но, скорее всего, Шулю не в курсе, что Юэ поедет на юбилей.

Сичао задумался:

— Думаю, Тан Юэ сам ему скажет.

В памяти Цзян Хэ образ Тан Юэ всегда ассоциировался с человеком, избегающим внимания. Кроме приятного голоса, в нём сложно было найти какие-то яркие черты.

Но после сегодняшней встречи, увидев, как Тан Юэ общается с Цзян Шулю, Цзян Хэ вдруг почувствовал: в этом парне есть что-то интересное.

— Не скажет, — покачал он головой.

— Не может быть! Ты же с ним почти не знаком!

— Вы все думаете, что он нуждается в защите. А задумывались ли вы, каков он на самом деле — тот, кто способен в одночасье оборвать всё без колебаний?

Сичао замолчал. Вспомнил поведение Тан Юэ во времена группы.

Да, порой тот действительно был безжалостен.

Но почти сразу же Сичао успокоился: «Мне-то чего грустить? Грустить должен Цзян Шулю, который столько лет упустил Тан Юэ».

Однако в душе у него оставался один вопрос. Цзян Хэ заметил, как Сичао задумчиво смотрит вслед уходящему Тан Юэ.

— Что случилось? — спросил он.

Сичао сжал его руку, а потом оттолкнул:

— Мне нужно поговорить с Тан Юэ.

— У вас впереди ещё уйма времени для разговоров. Обязательно сейчас, среди ночи?

Сичао вздохнул:

— Днём вокруг столько камер — разве можно говорить обо всём?

Он не упустил возможности поддеть Цзян Шулю:

— Я ведь не такой расчётливый, как Цзян Шулю, чтобы специально связывать себя с Тан Юэ перед всей страной.

— К тому же, — добавил он, — он, похоже, очень неуверен в себе.

Цзян Хэ пожал плечами, сделал шаг назад и, не говоря ни слова, накинул свой шарф на плечи Сичао:

— Иди.

Сичао ласково коснулся его щеки, затем окликнул Тан Юэ и побежал следом.

Тот удивлённо обернулся. В поле зрения мелькнул Цзян Хэ, уже направляющийся к своей палатке.

— Что случилось? — спросил Тан Юэ.

Сичао обнял его за плечи:

— Просто поговорим.

Тан Юэ на секунду замер:

— Про твою свадьбу?

Он даже улыбнулся. Сичао щёлкнул его по щеке:

— Да ладно тебе! Может, ты женишься раньше меня.

Он усадил Тан Юэ на складной стульчик для персонала, разжёг небольшой костёр, и они уселись рядом.

Сичао поделился с ним своим шарфом.

Раньше, когда они жили вместе, такие моменты случались часто: сидели на диване, укрытые одним пледом, смотрели фильмы.

— У меня всё не так быстро, — сказал Тан Юэ.

— Цзян Шулю уже много раз намекал, верно?

Тан Юэ кивнул.

— Можно спросить? — тихо произнёс Сичао.

Юноша рядом казался чуть более зрелым, чем в первый день их знакомства.

Но в Тан Юэ по-прежнему чувствовалась та особенная уязвимость, что заставляла других хотеть заботиться о нём, отдавать ему всё.

Сичао считал себя циничным и скупым на чувства, но перед Тан Юэ всегда хотел быть особенно добрым.

— О чём спрашивать? — удивился Тан Юэ.

Через несколько секунд он сам понял:

— А... Да, это мой ребёнок.

— Чёрт... — выдохнул Сичао.

Тан Юэ стиснул губы, нервно наматывая на палец шнурок капюшона своей куртки, то отпуская, то снова закручивая.

— Так и думал, — сказал Сичао. — Всё не так уж страшно, правда.

Тан Юэ всё ещё сжимал губы и тихо спросил:

— Сань-гэ, когда ты узнал?

Он замялся:

— Шулю-гэ сказал тебе?

Даже зная, что между ними всё не так, как он думал, Тан Юэ всё равно почувствовал лёгкую ревность.

«Какой я ужасный... Зачем вообще ревновать?»

Он не заметил, как нахмурился, и получил от Сичао лёгкий щелчок по лбу.

— Ай! — Тан Юэ прикрыл лоб ладонью.

— Я знаю, о чём ты думаешь, — сказал Сичао. — Зачем теперь сомневаться во мне?

— Это не он сказал. Проболталась Яо Лисинь — эта болтушка. Ещё добавила, что информация «не гарантирована».

Он вздохнул, достал телефон и посмотрел время. Тан Юэ заметил, что на экране блокировки — селфи Сичао с Цзян Хэ.

На фоне белоснежного снега они делят один зонт. Даже мельком — романтика чистой воды.

— Мне правда очень интересно, — продолжил Сичао. — Почему ты так уверен, что я раньше встречался с Цзян Шулю?

У Сичао была типичная внешность уроженца своего региона: там девушки славились изяществом и свежестью, а большинство парней — загорелыми лицами.

Но Сичао стал исключением: будто полы поменялись местами. Его глаза были нежными и влажными, как у девушек, хотя это впечатление было обманчивым.

В душе он был резким, страстным, одержимым материальными желаниями — настоящий авантюрист.

Но в группе Away он чувствовал себя как дома. Цзян Шулю мог быть фальшивым, но хотя бы в общезнании вёл себя естественно.

Яо Лисинь, хоть и шумный, умел находить общий язык с каждым — с ним было легко.

А Тан Юэ — наивный, но забавный. С ним можно было расслабиться.

Сичао был уверен: он никогда не переходил границ с Цзян Шулю. Разве что иногда бросал пару фраз для подогрева атмосферы — стандартная практика для шоу.

Фанаты верили в их «пару» — логично, ведь не видели их в реальной жизни. Но почему Тан Юэ верил в это сильнее, чем самые ярые шипперы?

Костёр потрескивал. Тан Юэ теребил пальцы, долго колебался и наконец сказал:

— Мне приснился сон.

— Ты□□, что мы с Цзян Шулю пара? Ты что, тайком читал фанфики?

— Конечно нет! — возразил Тан Юэ.

Он опустил историю о перерождении и в форме сбивчивого рассказа о «сне» передал содержание книги.

Сичао слушал с искажённым лицом. Голос Тан Юэ становился всё тише, а пальцы Сичао уже готовы были стереть себе морщину между бровями.

— Во сне я умираю так ужасно... — прошептал Тан Юэ.

— Хватит, — перебил Сичао. — Больше не надо.

Он глубоко вдохнул. Давно он не испытывал такой смеси гнева и беспомощности.

Тан Юэ прикрыл лицо ладонями:

— Но ведь всё совпадает с нашими событиями! Я...

— Ты что, украл трусы Цзян Шулю? — резко спросил Сичао.

— Конечно нет! — Тан Юэ чуть не вскочил на ноги.

— Вот именно. Значит, всё в порядке.

Даже без откровенных сцен Сичао начал узнавать сюжет.

Он тут же написал сообщение Яо Лисиню прямо при Тан Юэ:

> **Ты помнишь ту знаменитую статью от хейтеров про меня и капитана, которую тебе прислал ассистент? Как она называлась?*

Яо Лисинь, как ни странно, забывал всё подряд, кроме подобных «грязных» деталей.

> **«Приблизься к моему сердцу»? Название вполне нормальное, но внутри — жуть! Я читал один — и то стыдно стало. А ты ещё хочешь присоединиться? Люй Сичао, ты реально извращенец.**

Тан Юэ растерялся.

Этот фанфик давно исчез из сети, но кое-какие фрагменты критики ещё можно было найти.

Сичао протянул ему телефон:

— Это то, что ты видел?

На экране — скриншоты комментариев:

> — Ужас какой! Если вы шипперите Цзян Шулю × Люй Сичао, не надо так очернять Тан Юэ!

> — Наш Сяо Юэ — злодей-антагонист?! Да никогда!

> — Какой отстойный сюжет! Хотя и уважаем ваше право шипперить, но тут явно личная ненависть!

> — Старик в метро смотрит на телефон в недоумении.

Тан Юэ долго смотрел на название:

«Приблизься к моему сердцу».

Именно эту книгу он читал на планете 9787! Как такое возможно?

Сичао был в отчаянии:

— Яо Лисинь тайком читал это, я случайно увидел. Писанина такая... Я не смог дочитать, но пару страниц просмотрел.

— Ты, наверное, тайком прочитал и стал видеть сны?

— Я правда увидел это во сне! — настаивал Тан Юэ.

— Конечно, «вещий сон», — фыркнул Сичао. — Ты и автор, похоже, мыслите одинаково.

Он снова щёлкнул Тан Юэ по лбу, как раздосадованный родитель:

— О чём ты думаешь? Разве ты сам не знаешь, какой ты? Если бы в те времена ты проявил интерес к Цзян Шулю, он бы точно ответил взаимностью.

— А? — удивился Тан Юэ.

Сичао пожал плечами:

— Мне кажется, вы тогда просто не понимали своих чувств.

Затем он скорчил страдальческую гримасу:

— Сяо Юэ, я чувствую, ты меня немного ненавидишь. Я бы скорее с Яо Лисинем сходил, чем с Цзян Шулю. Он такой... скучный.

Тан Юэ почувствовал себя виноватым:

— Нет...

И тихо добавил:

— Капитан очень хороший человек.

Его сердце всё ещё бешено колотилось, а разум словно застыл.

Сичао погладил его по волосам:

— Ну и зачем ты всё держал в себе? Такое представление — просто удар ниже пояса.

— Прости, — прошептал Тан Юэ.

Он открыл поиск и обнаружил, что рассказ переиздавался под другим названием.

Написан он был в конце второго года существования Away. Тан Юэ тогда почти не лазил в интернет и ничего не знал.

Яо Лисинь, любитель сплетен, конечно, не стал бы рассказывать младшему участнику, каким злодеем его изобразили хейтеры.

— Ладно, я пойду, — сказал Сичао. — И ты ложись пораньше.

Он добавил мягче:

— В следующий раз, если тебе страшно — говори. Ничего страшного. Даже если это и правда «вещее» видение, это не значит, что судьбу нельзя изменить.

После ухода Сичао Тан Юэ ещё немного посидел у костра.

Когда он вернулся в палатку, Тан Минь уже спал.

Съёмочная группа предоставила довольно комфортные палатки — даже ночник был. Благодаря ему Тан Юэ разглядел выражение лица Цзян Шулю, крепко обнимающего ребёнка.

Он осторожно вошёл, только-только застегнул молнию — и его руку кто-то сжал.

— Камеры выключены? — тихо спросил Тан Юэ.

Цзян Шулю кивнул:

— Куда ходил?

— Навестил сестру и зятя.

«И обнаружил, что мой секрет о перерождении раскрыт», — подумал он.

Если это не «книжный мир», тогда какая связь между этой синей планетой и моей 9787-й?

Подобные слова звучали впервые. Во времена группы Цзян Шулю почти не слышал, чтобы Тан Юэ упоминал родителей.

Единственный раз — во время перерыва на съёмках рекламы. Журналист спросил, как Тан Юэ понимает «любовь родителей».

Был праздник Ци Си, атмосфера романтическая. Группа праздновала вместе с фанатами, снимали видео для них.

Все четверо были холосты, поэтому журналисты не спрашивали о личной жизни, а перевели тему на родителей.

Цзян Шулю не успел предотвратить этот несогласованный вопрос. Он боялся, что Тан Юэ снова скажет что-то неожиданное — как в прошлый раз, когда на презентации игры серьёзно спросил: «Почему до сих пор нет полноценных холограмм?»

К тому же тема родительской любви для артиста с таким прошлым была слишком болезненной.

Но Тан Юэ не выглядел расстроенным. Он прижимал к себе игрушку от спонсора, подбородок

упирался в мягкую ткань.

— Как цветок, — сказал он.

Прежде чем журналист успела уточнить, он добавил:

— Очень недолгий.

Тан Юэ редко улыбался. Но с Яо Лисинем или Люй Сичао, смотря смешные видео с котиками и собачками, он смеялся так, что уголки глаз и брови краснели от искреннего веселья.

Неизвестно, что задело его в этом вопросе, но он отвечал охотно.

— Какой именно цветок? — спросила журналистка.

Все знали: Тан Юэ любит цветы. Но у него не было любимых — он с радостью принимал любые букеты от фанатов: даже из камыша или декоративной капусты. Однажды даже принял букет из брокколи, лука и петрушки — фанаты шутили, что его легко подкупить.

Если Тан Юэ был в хорошем настроении, в аэропорту можно было получить автограф.

— Медный цветок, — ответил он.

— Цветок павловнии?

Он покачал головой. В этом слове таилось столько светлых воспоминаний, что его прозрачные, как море, глаза чуть не утопили всю съёмочную группу.

Цзян Шулю молча стоял в стороне, делая вид, что пьёт кофе.

— Цветок из медной фольги, — пояснил Тан Юэ. — Такой тёплый, жёлто-медный. А если вставить туда серебристые алюминиевые лепестки — будет ещё красивее.

Звучало как handmade-букет.

— Для тебя это что-то значительное? — спросила журналистка.

Тан Юэ машинально сжал пальцы, нервно и застенчиво пробормотал:

— Для меня это... любовь.

Он был известен как человек, почти не учившийся в школе.

Фанаты сочувствовали его прошлому и не раз просили агентство «Чэнкун» нанять ему репетитора.

Хейтеры же использовали это против него, называя «позором группы Away» и «не соответствующим имиджу качественного айдола».

Даже Яо Лисинь, с железными нервами, временами не выдерживал злобных комментариев. Но Тан Юэ, казалось, вообще не обращал на них внимания — просто считал их скучными.

— Это любовь на всю жизнь, — сказал он искренне.

Ответ прозвучал парадоксально на фоне предыдущего: «недолгая любовь» и «любовь на всю жизнь».

Но журналистка, много раз видевшая, как «влюблённые» пары на камеру лгут о своих чувствах, инстинктивно поняла: Тан Юэ говорит правду.

Его слова были наивны, почти нереальны, но в них чувствовалась такая чистота, что невозможно было не поверить.

Казалось, стоит услышать это от него — и сам начинаешь думать:

«А вдруг?..»

Вдруг такая любовь существует?

Пусть он и всем известный внебрачный ребёнок, пусть его мать уехала за мечтой и потерпела неудачу, пусть этот полуангел-полудемон остался совсем один — в нём всё равно чувствовалась тихая, но мощная жизненная сила.

И в ней читалась жажда.

Жажда любви. Жажда семьи.

Теперь, спустя восемь лет, в палатке на острове, Цзян Шулю не удержался и спросил:

— Твоя сестра и зять хорошо к тебе относятся?

Пять лет — огромный срок. За это время ребёнок успевает родиться, заговорить, сделать первые шаги и сказать «люблю».

За это время Цзян Шулю успел мучительно осознать, что опоздал.

Он чувствовал вину. Даже если все его расчёты были верны, он всё равно боялся, что не сможет дать Тан Юэ идеального будущего.

— Сестра — да, — ответил Тан Юэ. — Со зятем почти не знаком.

Он лёг рядом с Цзян Шулю, стараясь не разбудить Тан Миня.

— В прошлый раз на пляже я его впервые и увидел.

Цзян Шулю знал: в шоу-бизнесе ходили слухи, что Лян И женат — причём во второй раз.

— Он мне показался внимательным, — продолжал Тан Юэ. — Даже греет сестре постель.

Цзян Шулю чуть не скривился. По его представлениям о Лян И, трудно было не подумать о содержанке.

— Ты с Лян И уже виделся? — спросил Тан Юэ.

Цзян Шулю кивнул.

— Она ко мне очень добра. Не переживай.

— Когда ты ушёл из группы... это тоже её решение?

Тан Юэ кивнул:

— Тогда случилось кое-что... больше тянуть было нельзя...

Голос его стал тише. Он чувствовал: не время и не место раскрывать происхождение Тан Миня.

Цзян Шулю уже тогда заподозрил правду. Теперь, скорее всего, был уверен.

— Вы раньше встречались?

— Нет.

Цзян Шулю не стал уточнять, что именно «нельзя было тянуть». Он просто смотрел на Тан Юэ в мягком свете ночника.

Но тот вдруг приблизился, взял его лицо в ладони и спросил:

— Гэ, эти годы тебе было плохо?

Тот объятие на пляже глубоко запомнилось Тан Юэ. Оно напомнило ему прежнего Цзян Шулю — молчаливого, одинокого в ночи.

Он думал, что в «книге» герой-рецептор спасёт героя-агрессора. Но на деле всё оказалось наоборот: Цзян Шулю стал ещё более подавленным.

Ведь даже Люй Сичао теперь «лечит» Цзян Хэ.

Он считал, что попал в книгу, а оказалось — это фанфик, написанный фанатами этого мира. Тан Юэ снова полез в архивы и нашёл множество старых постов, полностью совпадающих с «сюжетом» в его голове.

Неудивительно, что история получилась полуправдивой — авторы дополняли пробелы.

Ведь они видели лишь поверхность. Нежный Люй Сичао на деле вовсе не нежен. Цзян Шулю, хоть и из знатной семьи, далеко не так всемогущ, как в книге.

Тан Юэ почувствовал тяжесть в груди. Он был таким глупцом.

Ему захотелось плакать, сердце билось неровно. Чтобы справиться с эмоциями, он резко поцеловал Цзян Шулю.

Слишком страстно — раздался чёткий звук поцелуя. Цзян Шулю удивился и с интересом уставился на него.

— На что смотришь? — буркнул Тан Юэ.

— Разве я не могу поцеловать своего парня?

Цзян Шулю прищурился:

— Ты правда считаешь меня только парнем?

Тан Юэ только что использовал персиковую жидкость для полоскания. Вкус поцелуя ещё витал в воздухе. Цзян Шулю обнял его и приблизился:

— А?

— Пока... пока только парень, — прошептал Тан Юэ.

В будущем — возможно, супруг по свидетельству о браке. Партнёр. Муж. Или жена.

Ему стало жарко от близости. Он хотел отстраниться, но боялся разбудить Тан Миня, и в итоге оказался в той же позе, что и ребёнок в объятиях Цзян Шулю.

Как отец, убаюкивающий малыша.

— Завтра вечером я уезжаю, — сказал Цзян Шулю.

— Знаю. Твой дед празднует юбилей.

— Съёмочная группа объявила о пятидневной паузе.

Тан Юэ кивнул.

Он прижался ближе — ему нравились такие объятия. Раньше он так же обнимал Тан Миня. Теперь ребёнок был укрыт шерстяным пледом, а взрослым на одном одеяле было тесновато.

— Поедешь со мной? — спросил Цзян Шулю.

Ощущение, что рядом кто-то есть, заполняло ту пустоту в его сердце.

Он спросил неуверенно: с одной стороны, помнил, как Тан Юэ избегал его семью; с другой — боялся реакции гостей, особенно Чжу Цюнь. Не хотел подвергать Тан Юэ неловкости.

— Моя сестра едет, — ответил Тан Юэ.

— Я знаю. А ты?

Голос Тан Юэ стал приглушённым:

— Я не поеду. Пока пауза, до переезда на новую локацию успею с Сяо Мие побегать.

Он врал с трепетом в сердце, радуясь, что прячется в объятиях Цзян Шулю.

Но руки сами искали, за что ухватиться — и начали тереть шнурок пижамных штанов Цзян Шулю.

Ответ не удивил Цзян Шулю, но он не ожидал, что Тан Юэ настолько заскучает. Шнурок обвивал пальцы, затягивался всё сильнее.

Цзян Шулю тихо застонал и прошептал ему на ухо:

— Слишком туго.

Тан Юэ вздрогнул, мгновенно отпустил шнурок и принялся ощупывать штаны Цзян Шулю.

Руки метались хаотично, пока Цзян Шулю не сжал их в своей ладони:

— Ты правда хочешь именно этого?

Хорошо, что их прикрывал плед. Хорошо, что камеры выключены.

Но Цзян Шулю уже не выдерживал.

Он ненавидел свою теперешнюю жизнь, свою роль, свою неспособность обрести всё, о чём мечтал.

Нужно как можно скорее закончить это.

Эта клетка под названием «родительская благодарность» противоречила самой сути материнской любви. А два года назад он узнал правду, от которой до сих пор страдал.

Голос Цзян Шулю звучал в ушах Тан Юэ, напоминая тот самый вечер, когда он так же жаловался.

Капитан, кажущийся таким надёжным и уверенным, в постели вовсе не нежен. Именно он грубо вторгается, но при этом обиженно ворчит:

«Слишком мило... Слишком туго... Слишком сводишь с ума...»

Тан Юэ молчал. Цзян Шулю погладил его по затылку:

— Тогда хорошо проведи время с Сяо Мие...

— Что ты делаешь? — прохрипел он, едва сдерживая раздражение.

Но при тусклом свете лицо Цзян Шулю казалось Тан Юэ невероятно притягательным — и в голову пришла дерзкая мысль.

— Шулю-гэ, я не нарочно, — сказал он вежливо, но руки вели себя совсем не вежливо. Голос звучал чисто, но в глазах мелькнула неожиданная хитринка.

Цзян Шулю приподнял его подбородок, сжал его руку и почти зло спросил:

— Так торопишься?

— Я подумаю, что Сяо Юэ очень хочет меня.

Для Цзян Шулю это была обычная игра — он считал, что Тан Юэ промолчит, покраснеет, максимум — смущённо отведёт взгляд.

Но на этот раз он просчитался.

Прекрасный инопланетянин наконец решился. Слово «разбитый горшок — не жалко», он бросился вперёд без оглядки.

Страстно. Смело.

— Я хочу тебя давно, — сказал Тан Юэ.

Ещё с того другого мира. Тогда он презирал «Тан Юэ» из книги за его изменные методы.

Но тайком восхищался несколькими строками, где автор описывал нежность Цзян Шулю. И стыдливо думал: «Как можно не влюбиться в такую заботу?»

Самое ироничное — теперь он узнал правду. Даже вымышленный образ Цзян Шулю, созданный фанатами, не знавшими его настоящего лица, вызывал у Тан Юэ симпатию. А настоящий Цзян Шулю, оказавшись рядом...

Достаточно одного взгляда — и маленький инопланетянин терял голову.

А ведь у них ещё были те три года: ежедневное общение, случайные взгляды, прикосновения, неосторожные слова, ночные взгляды, полные сочувствия...

— Цзян Шулю, ты такой хороший... Как я могу не хотеть тебя?

***

«Эфирное время Тан ДаЮэ»

Одноклассник Тан ДаЮэ недавно слил в сеть: в средней школе тот пел ужасно.

На хоре один понизил оценку всему классу.

Он взял на себя вину за Тан ДаЮэ.

Однажды в отпуске Тан ДаЮэ случайно получил доступ к архивам группы Away.

Он смотрел выступления Тан Юэ и плакал.

Нашёл старые комментарии фанатов — преувеличенные, восторженные до нелепости.

Подумал: «Хорошо, что мы поменялись местами».

Иначе он остался бы «тем, у кого только голос хороший, а петь не умеет».

Его бы точно «вернули»!

Но даже став няней, Тан ДаЮэ спел колыбельную так плохо,

что хозяин планеты не смог уснуть.

Ему вычли всю зарплату.

Зато повысили до личного секретаря.

Только вот нынешний босс каждый день носит маску и не показывает лица.

Тан ДаЮэ боссу: Мне кажется, открытая часть лица у него немного похожа на тебя.

Босс: Наверное, не так красавец, как я.

Тан ДаЮэ: Фу.

<http://bllate.org/book/16057/1507064>